

ЧУЖИЕ ГОЛОСА

Рассказы, написанные нами,
чтобы вы перестали бояться

18+

**Мария Булатова
Леся Солнечная
Надя Ларионова
Валерия Гаврукович
Валерия Скрытуцкая
Катерина Рэйкир
Станислава Ан
Ирина Рыжих
Ольга Вуд
Наталья Костина
Дарья Климова
Чужие голоса**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63918326

SelfPub; 2021

Аннотация

Страшно одной в космическом пространстве. Но и в детском лагере под присмотром воспитателей до мурашек страшно. Страшно пригласить на свидание, и как же страшно отказаться от токсичных отношений. Страшно столкнуться с тем, что природа скрыла в лесу, но оказаться в плену системы, которую

выстроили люди, еще страшнее. Сборник «Чужие голоса» – это проект выпускниц писательского курса окололитературного объединения «Ковен Дур». Рассказы связаны темой страха, ведь дать голосам своих героев зазвучать во всеулышание тоже страшно. Каждый голос звучит по-своему, но каждый вы уже слышали, может быть, в компании друзей, а может быть, наедине с собой, заглянув вглубь.

Содержание

Вступительное слово	5
Станислава Ан. Встреча за зеркалом	8
Мария Булатова. К счастью	18
Ольга Вуд. Мусорный Овражник	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

**Ольга Вуд, Мария Булатова,
Валерия Гаврукович,
Дарья Климова, Наталья
Костина, Ирина Рыжих,
Катерина Рэйкир,
Валерия Скрытуцкая, Леся
Солнечная, Станислава
Ан, Надя Ларионова
Чужие голоса**

Вступительное слово

Я много чего боюсь. Смерти близких, собственной болезни, которая лишит сил и возможностей, финансовой нестабильности, большой воды и написать свежую сплетню не в чатик, а на открытый канал. А ещё каждый новый набор писательских курсов, я боюсь, что в этот раз ничего не получится. Не случится того самого мэтча, о котором мечтает каж-

дый преподаватель. Когда тема занятий идеально подходит запросу участников, учебные тексты получаются стройными и увлекательными, а внутри группы складывается атмосфера творческого порыва и безопасной среды.

С курсом «Независимый автор 2.0» были все те же страхи – не попасть в запрос, не найти слов для обратной связи, не сплотить участников так, чтобы после окончания они продолжали быть друг для друга поддержкой и писательской компанией. Но всё получилось. Теория пришлась по вкусу, практика оказалась по силам, а дружба зародилась сама собой. А главное – получились тексты. Разные, сложные, яркие, важные, живые и откровенные тексты о том, как причудливо меняется реальность, если посмотреть на неё под новым углом.

Именно в этой изменённой творческим экспериментом оптике, через которую обыденность кажется неожиданной, а фантастические допущения – абсолютно логичными и уместными, мне видится ценность сборника, который вы сейчас держите в руках.

Эти рассказы – проза молодая и открытая, а происходящее в ней – странное и повседневное в одинаковой мере. Космическая опера, воспоминание из детства, магический реализм, история чувств, антиутопия. За кросс-жанровостью и метафоричностью сюжетов скрываются размышления о самом болезненном – страхах, изменчивости мира и поиске себя.

Я сама много чего боюсь. Но если современная русская проза будет такой же свободной в форме и содержании, как эти тексты, то за неё мне станет спокойнее, честное слово.

Ольга Птищева

Станислава Ан.

Встреча за зеркалом

Динь-дон... динь-дон... зеркала поют, сердце молчит. Я иду лабиринтом, не глядя по сторонам. Рядом хмурый мужчина. Почему он всегда рядом. Это раздражает. Я, не удержавшись, показываю ему язык. Он отвечает тем же. Обезьяна и кривляка. Можно подумать, что шут здесь он, а не я.

Иду вперёд под музыку зеркал. Хочу поймать хоть что-то по ту сторону. И ничего не вижу. В глазах словно туман. Я усмехаюсь. И дотрагиваюсь до зеркала. Никогда они не скрывают того, что я хочу увидеть. И я вижу. За зеркалом сидит девушка. Тёмные волосы, смуглая кожа. Настоящая цыганка. Только почему-то в доме. Я одёргиваю ладони. Та ли это женщина, что я ищу? Нет, совсем нет. Моя госпожа, моя жена... у неё рыжие волосы и янтарные глаза. Она похожа на цветок огня, моя госпожа. Эта же словно дикая кошка.

И я иду дальше.

– Эй! – слышу я её голос. – Подожди!

Она не может меня видеть. Какое мне дело до того, кого она зовёт. Но она упрямо прижимается к зеркалу.

– Парень в белом костюме, подожди!

В белом костюме, это я. И мой сосед из зеркал. Она нас видит? Я останавливаюсь. И смотрю на неё. В моих глазах

больше вопросов, чем смеха. А это плохо. Шут должен звенеть смехом. Даже через себя.

– Ты меня видишь?

Она кивает.

– Тебя как зовут? – она пытается пройти сквозь зеркало.

И мне смешно. Ничего у неё не выйдет. Зеркала отделены от их мира. Пусть это тонкая грань, но такая прочная. Я протягиваю руку и помогаю ей перебраться в мой мир. В её глазах удивление.

– Как здесь странно.

Я поворачиваю голову. Смотрю на зеркала, висящие вдоль стен. Одни зеркала, за которыми иногда есть двери. И всё. Это моё королевство. Здесь я повелитель и господин. Господин без госпожи. Я усмехаюсь.

– Здесь хорошо. Здесь всё так, как я желаю.

– У тебя непонятные вкусы. – Она замолкает и смотрит в мои глаза. – Ты обиделся?

– Нет. Обиделся, – крутанувшись, я иду по коридорам. – Это лучшее, что я могу предложить.

– Так как тебя зовут?

Вот же, пристала. Я не знаю. Не помню. Или помню? В память смутно прорывается что-то, пахнущее цветами. Цветами? Точно.

– Меня зовут Шион, – я усмехаюсь и повторяю это слово вслух, ещё и ещё раз, – Да, Шион. Астра. Звезда среди цветов. Только я не люблю эти цветы. А ты?

– Я? – в её глазах недоумение. – Я люблю цветы.

Я начинаю раздражаться. Что за глупая девчонка.

– Как тебя зовут?

Она смеётся. И её глаза смеются тоже. Я невольно улыбаюсь. Как я соскучился по звенящему смеху. У меня перестает болеть голова, и улучшается настроение. Я безумно радуюсь этому. Но отчего эти гости такие редкие?

– Я Настя, – она останавливается возле комнаты. И как только поняла, что там дверь? Я хватаю её за руку. И сердито качаю головой.

– Не ходи туда. Поняла, Настя?

Она кивает. Я разжимаю пальцы.

– Что значит твоё имя?

– Не знаю, – Настя пожимает плечами. И поворачивается к зеркалу. – Можно, я пойду домой?

Я киваю. Я хочу оставить её подольше. Я не хочу её отпускать. И во мне глухо зреет раздражение. Почему я должен остаться один. Почему она уходит? Это несправедливо! И всё же я отпускаю её. Пока отпускаю. Но потом.

Потом я не знаю. У меня может не хватить сил на это.

Сев на кресло, я пальцем рисую в воздухе узор. Узор сплетается в рисунок астры. Отвратительные цветы. Блёклые и простые. Совсем как звёзды. Они не дают достаточно света. Они неяркие и унылые. Они вгоняют в депрессию. И я сжимаю в ладони цветок. Сминаю, рушу это хрупкое очарование. Размазываю по полу каблуком сапога.

Ненавижу хрупкие вещи.

– Сион! – слышу я из зеркала. Я поднимаюсь и иду на зов. Это Настя. Я открываю зеркало. И да, это она. В её глазах знакомая улыбка. Тёмные, кошачьи глаза взрослой женщины. Почему-то мне кажется, что она взрослее, чем нужно.

– Заходи, – я подаю ей руку, и она шагает в зеркало. – Ты меня не боишься, верно?

– Нет, не боюсь. – Она протягивает мне букет астр. – Здесь не помешает немного жизни.

– Здесь есть жизнь, – отвечаю я, но цветы беру. Они странно прекрасные. Не тихие, не блёклые. И как она умудрилась их достать посреди лета?

– Это не то, – Настя идёт рядом со мной, запомнив, в какую дверь нельзя. Странно, я сам иногда забываю, где эта комната. – Жизнь должна быть... э-э-э... живой? И от неё нужно получить всё, пока есть возможность.

Я сжимаю её руку. Она почему-то кажется мне грустной. Но она не отвечает на мой немой вопрос. Делает вид, что не замечает. Прислушивается.

– Ой, какая красивая музыка. Похожа на перезвон колокольчиков, – в её улыбке снова ни капли фальши.

– Это музыка зеркал, – отвечаю с гордостью. – Моя музыка. Под неё удобно шутить и веселиться.

– Ты забавный, – она смеётся. – Хочешь, я покажу тебе свой мир?

Я мрачнею. В глазах моего вечного соседа появляются

хмурые огоньки. Они разрастаются, становясь опасными и нехорошими.

– Я не хочу, – говорю я сердито. – За пределами зеркал я не настолько силён.

– И всего-то? Тебе не нужна там сила, – она повышает голос.

– Замолкни! – сорвавшись на крик, я отворачиваюсь.

И думаю о том, что глупо вышло. Я рассердился ни за что, она обидится и сбежит. Они всегда сбегают. У меня плохой характер. Но что мне делать? Я всего лишь хочу, чтобы все смеялись и радовались. Я Шут, Шут...

И почему я привязан к этому королевству, почему я не могу отойти больше, чем на пять метров. Я же всемогущ...

– Не злись, – она берёт меня за руку, стискивая горячими ладонями. – Я тебя обидела, да?

– Нет, – говорю через силу. – Уходи. Иди, там открыто.

Она смотрит на меня, но уходит. А я поворачиваюсь к своему двойнику. На моих губах расцветает оскал. На его – такой же. Мы какое-то время смотрим друг на друга. Готовые убивать. Я поднимаю руку. Касаюсь лица. Горячее и мокрое. Слезы...

Красные слёзы...

Да... давно я так не делал. Только ведь Шут не должен плакать. Он не имеет на это право. Слезы – это удел слабых. А я сильный. Слезы – это удел плохих. А я хороший. Хороший... Я ничего дурного не сделал. Никогда в своей жизни!

Собственного крика я не слышу.

В следующий раз Настя приходит с чем-то белым и липким. Она объясняет, что это шоколад. Она надо мной смеётся? Я знаю, как выглядит шоколад. Он чёрный и горький. Я пробую его на вкус. Сглотнув, вылизываю пальцы. Настя снова смеётся. Она стоит перед зеркалом. Кружится, раскинув руки. Я невольно наблюдаю. Сколько в ней жизни. Она изменила моё сонное царство.

– Красиво, – она задыхается от смеха и эмоций. И падает на кресло. Я тоже улыбаюсь.

– Хорошо, что судьба нас свела, – говорю я.

И всё меняется.

В её глазах появляются чуть ли не слёзы. Но она упрямо шмыгает носом. Смотрит на меня так, словно я сделал что-то нехорошее. Я поднимаюсь, не зная, что сказать. Как поступить правильно.

– Ты рад судьбе? – мрачно спрашивает она.

– Да? – я удивляюсь ещё больше. – Она сделала мне столько подарков.

– Она сделала тебя пленником в твоём зеркале! – её голос становится выше и пронзительнее. – Она дешёвая девка, эта судьба.

– Почему? – я не понимаю. – Судьба не жестока, она справедлива.

– А где справедливость, когда страдают дети? Только что рождённые, не успевшие совершить ничего плохого, где?

Где, я тебя спрашиваю?!

– Не кричи! – её крики отзываются болью в голове. Я ощущаю, что ещё немного, и я взорвусь. Я бросаюсь к ней, но Настя уворачивается. Я иступлено бью по зеркалу. Потом ещё раз. И снова, снова... пока ладони не окрашиваются красным, пока сила не покидает меня, и я не падаю на пол, задыхаясь от боли и гнева. Зачем...

Зачем она кричит.

Настя нет. Она успевает уйти.

Её нет и потом. Ещё очень-очень долго. Я, кажется, теряю что-то важное. Какую-то часть жизни. А что если это она моя госпожа, моя жена? Вздвогнув, я подхожу к зеркалу. Её нет в комнате. Но там сидит какая-то старая женщина. Постаревшая. Наверное, это мама Настя. Она говорит в какую-то странную коробочку.

– Да... надеюсь, полиция найдёт её. Нет... она ничего не сделала. Я надеюсь. Но у неё врождённый порок сердца. Ей нужна операция. Если её не сделать... у меня нет таких денег!

Я отхожу. Я закрываю это зеркало. Я не хочу слышать дальше. Но я не могу забыть Настю. Может быть, я был ей нужен, а она до меня не достучалась. И я иду по лабиринтам, вглядываясь в улицы. Я ищу её, смуглую девушку с длинными чёрными волосами. Девушку, которая слишком рано стала взрослой.

Мне кажется, что я никогда её не найду. Я ищу Настю в

зеркала, в окнах, на зеркальной глади воды. Везде, где только есть такая возможность. И нигде её не вижу. Я чувствую смутную тревогу. Я боюсь, что она совершила непоправимую глупость. Я жалею, что не попытался узнать раньше, почему она такая. Не попытался спросить.

И я её вижу.

Далеко от воды. Очень далеко. Зеркала меня не пустят. Но я выбираюсь. Я заставляю себя идти по мокрой траве. Мне тяжело. Дыхание перебивается, стягивается, запирается внутри меня. Ноги, руки, словно марионетки... Я сам словно марионетка. И кукловод хочет убрать меня назад в сундук. На щеках снова мокро. Опять кровь.

Солёная, очень солёная.

Лишь бы не поздно.

Я преодолеваю сопротивление своего тела. Я ощущаю, что я не могу идти. Я падаю. Рухнув на одно колено, я с тоской смотрю на Настю. Лишь бы не опоздать. Она же ведь... а что я могу сделать? И я понимаю, что вовсе я не всемогущ. Узник зеркального лабиринта, не могущий даровать жизнь. На моих губах расцветает улыбка. Я не могу так.

Я себе этого не прощу.

Не прощаю...

И рвусь вперёд. Мне кажется, что меня сейчас разрежет, словно тысячи нитей врезаются в тело, скользят по больному. И опускаюсь рядом с Настей, стараюсь подхватить как можно бережнее. Мне кажется, она уже совсем не дышит.

Лицо белое. Неестественно белое. Мне хочется кричать. Но я ужасно спокоен.

Я возвращаюсь к пруду, из которого вышел. Я иду в него не промокнув. И не давая промокнуть Насте. Я возвращаюсь в лабиринты зеркал. И иду к другой границе. Здесь сплетаются все Грани. За Грань меня не пустят. Но ей разрешат остаться. И пусть судьба будет к ней милосерднее, чем ко мне.

Шаг за шагом, я иду по гулкому коридору, полному неясных теней. Меня пока не прогоняют. У меня есть немного времени.

Настя открывает глаза.

– Шион, – она улыбается, – ты меня нашёл? Я скучала.

– И я скучал, – говорю ей, и сглатываю что-то невидимое.

Но очень давящее.

– Куда это мы? – она прислушивается. – Я хочу услышать эту музыку. Те колокольчики...

– Хорошо, ты её услышишь, – я замираю. Уже виднеется свет. Там её встречают. Она их видит. В отличие от меня.

И я усилием воли вызываю мелодию. Мне больно её слышать. Но ради Насти я терплю. Потому что знаю, что это значит.

– Спасибо, Шион, – она спрыгивает на пол. – Удивительно хорошо. Я пойду, да? До новой встречи?

– До новой встречи, – вру я отчаянно. И провожаю её. Машу рукой. А самому так и хочется посмотреть на своего

соседа. Он плачет? Ведь он такая мартышка, всегда за мной повторяет. Но он спокоен. И я спокоен.

Повернувшись к нему, я вытираю лицо ладонью и подхожу ближе.

– Вот мы снова остались одни, приятель, – я улыбаюсь. Но на глазах снова мокро. – Постараемся не сломаться, ладно? Он улыбается мне в ответ. Он тоже будет стараться...

Мария Булатова. К счастью

Декабрьский мороз сковал город – зима наступила вовремя. Правда, без снега. Остатки ноябрьских луж и грязи превратились в ледяные бугры, и картина была, конечно, удручающая. Но в ранних сумерках потихоньку зажигались фонари и первые гирлянды, которые складывались в слова «С новым 2014 годом!» Город готовился к празднику.

Ниночка бежала по замёрзшему и накатанному школьниками тротуару вслед за Стасом. Её замшевые сапожки то и дело разъезжались, и она с трудом держала равновесие. Раз – Ниночка поскользнулась и плашмя полетела на землю.

– Стас, – крикнула она, растягивая гласную, – Стас...

Не дождавшись помощи, она поднялась на локтях – боль пульсировала во всём теле. Ниночка прищурилась и увидела, что вдалеке Стас развернулся и пошёл к ней.

– Стас, я упала. – жалобно сказала Ниночка, когда он остановился рядом.

Стас – высокий, тощий, в куцей кожаной, явно не зимней, куртке – посмотрел на неё и ухмыльнулся.

– Я упала. – повторила Ниночка, поднимаясь и отряхивая пуховик. Физическую боль заглушила обида, что Стас даже не подал ей руку.

– Ты лохматая. – Ответил он. – Ну что, пошли?

– Только небыстро... – Ниночка наспех поправила густые

тёмные волосы.

– Я замёрзну. Ты-то в пуховике. – Стас ехидно покосился на Ниночку. – Чупа-чупс на ножках.

Под его взглядом Ниночка съёжилась – ей стало стыдно и неловко за свой красный дутый пуховик.

– Что это на капюшоне? Собака? – спросил Стас.

– Енот... – чуть слышно произнесла она.

– Нин, не мямли. Мне скучно.

– Стас, поздно уже. Может, ты меня до метро проводишь?

Такого самовлюблённого парня Ниночка ещё не встречала. Стаса не интересовало, что ей нравится. Если ему хотелось, то они могли весь вечер просидеть в каком-нибудь баре за «Маргаритой». А могли просто ходить по тёмным закоулкам, валяясь в сугробах за гаражами. И он никогда не спрашивал у Ниночки голодна ли она, устала или замёрзла. Но Стас и «Маргарита» были для неё такими же маркерами взрослости, как первая зарплата и возможность покупать нижнее бельё в дорогом магазине, а не в ларьке в переходе. Поэтому Ниночка молчала и держалась за него изо всех сил, боясь разжать руки и снова стать обыкновенной незаметной студенткой.

– Что, нагулялась со мной? – Стас остановился и повернулся к ней лицом.

– Нет... – Ниночка подошла к нему вплотную и заглянула в глаза. – Но завтра на пары, мне ещё к семинару надо подготовиться.

– Тогда пошли. – Стас бодро зашагал в сторону станции метро «Парк Культуры».

– Подожди, давай помедленнее... – Ниночка схватила его за локоть.

– Не надо за меня цепляться, – он отдернул руку. – Шагай шустрее.

– Но я опять упаду...

Ниночка балансировала на льду, стараясь не упасть и не отстать. Стас всё время оборачивался и поторапливал её недовольным взглядом. Боль в спине и горькая обида говорили ей, что должно быть совсем не так. Но разумные доводы сходили на нет перед тем фактом, что самый красивый мальчик среди её знакомых сегодня вечером пил с ней «Маргариту» и гулял допоздна.

– Пришли. Ну что, расходимся?

– А ты этого не хочешь? – Ниночка ждала, что Стас скажет ей что-то приятное. Например, что уже скучает по ней. Или что решил проводить до дома, чтобы побыть ещё немного вместе.

– Знаешь, чего я хочу?

– Ну?

– На Камчатку. С симпатичненькой блондиночкой. – сказал Стас и снова ехидно ухмыльнулся, наблюдая за реакцией Ниночки.

– Блондинки не ездят на Камчатку. Они ездят на Мальдивы. – ответила она.

– Ну, тогда на Мальдивы.

– Вот только навряд ли она захочет с тобой ехать... – Ниночка развернулась на каблуках и зашагала вниз по лестнице.

– Пока. – донеслось до неё эхом, когда она дошла до последней ступеньки.

– Пока. – таким же эхом ответила Ниночка.

В вестибюле метро было пусто, значит поезд недавно уехал. Ниночка подумала про Стаса. Через каких-то десять минут он будет дома. Примет горячий душ, попьёт чаю и ляжет спать. А ей ещё ехать и ехать. Полчаса на метро. Потом ещё минут десять на автобусе. В лучшем случае. В худшем она будет стоять и ждать его на морозе.

Её мысли прервал выплывший из тёмного тоннеля поезд. На табло горело – «Пролетарская».

«Чёрт... – пронеслось в голове у Ниночки. – Он не едет на конечную. И автобуса оттуда не дожидаться. Придётся вызывать такси на Пролет». Во сколько оно ей обойдётся Ниночка старалась не думать. Как и о том, что придётся до зарплаты жить на гречке.

В вагоне, куда зашла Ниночка, почти никого не было. Только в углу сидел старичок бомжеватого вида в вязаной шапочке.

«Хорошая компания...»

Ниночка опустила на сиденье и поджала ноги. Они так замёрзли, что она их почти не чувствовала. А горло начинало

першить.

«Только этого не хватало. За две недели до зачётов...»

Ниночка погрузилась в свои мысли и перестала замечать время. А поезд всё ехал и ехал. Вагон медленно покачивался, колёса размеренно ухали.

– Ведь уже должна быть «Кировская», – опомнилась она и достала из кармана телефон. – Точно, мы уже минут десять едем.

Ниночка испуганно заозиралась по сторонам. Но старичок мирно спал, а больше никого рядом не было.

«Что ж. Может, мы до Пролета без остановок?»

Поезд тем временем и не думал останавливаться. Он убавлял запоздавших путников, тащил их по тёмным тоннелям метрополитена, увозил за грань реальности.

От мерного покачивания закружило голову, и Ниночка перестала считать минуты. Может, она так сильно ударилась и теперь у неё сотрясение? Да, сотрясение мозга. Она зажмурилась, а когда открыла, то увидела рядом с собой Стаса. Он сидел, ехидно ухмыляясь, и поглядывал на неё с насмешкой.

«Тебя не может здесь быть. Ты не настоящий».

– Какое сотрясение? У тебя даже мозга нет.

– А нет, настоящий... Что ты здесь делаешь?

– Еду.

– Куда? Ты же домой ушёл...

– А мы разве не домой?

– Зачем ты здесь, Стас?

Может, она просто задремала? И сейчас проверяющий разбудит её на последней станции. А может она проспала, и её никто не разбудил. И теперь она застряла в тягучем мраке подземки.

Но Стас напротив был совсем как настоящий, который сейчас пил чай у себя дома или пролистывал ленту новостей в контакте.

– Зачем я здесь? Ты смешная. Догадайся сама.

Сама. Всегда сама. Тот Стас тоже говорил загадками. Намёками. Многозначительно улыбался и никогда, никогда до конца не было понятно, что он имел в виду. И Ниночка считала себя, не по своей воле, конечно, глупенькой. Маленькой дурочкой. И пыталась разгадать его. И чем больше у неё не получалось, тем сильнее росло желание понять.

– Ты здесь потому что я этого хочу?

– Может.

– Зачем я тебе? – этот вопрос мучил Ниночку давно, а ироничный ответ Стаса никогда не приносили удовлетворения.

– Я же говорил – стирать, убирать, готовить и родить мне сына.

– Но ты меня не любишь? – в глубине души она знала ответ, но надеялась на обратное.

– Никто не будет любить тебя просто так. Любовь надо заслужить. – Стас откинул голову назад и прищурился.

Ниночка внимательно посмотрела на него. Длинные ноги, длинные руки, тонкие и длинные пальцы. Он казался ей пауком, который умело плетёт паутину вокруг неё – бедной глупой мухи. И сил выбраться оттуда не было. Не сейчас.

– А сын, зачем он тебе?

– Дурочка. Чтобы воспитывать его.

– Тебе не нужен сын, – подумав, ответила Ниночка. – Никакой ребёнок вообще не нужен. Ты хочешь его, так же как я новый айфон – чтоб понтоваться. У всех есть и тебе надо.

– Ты глупая. – Стас закрыл глаза, откинулся назад и голова его стала размеренно покачиваться в такт вагону.

Глупая, дурочка, никчёмная, никакая. Влюблённая. И толку-то.

– Так зачем я тебе такая. Ты всё равно уйдёшь...

– Я тебе уже всё сказал.

– Мне кажется, когда я пойму тебя, пойму до конца – ты останешься со мной навсегда.

Стас открыл глаза, выпрямился и внимательно посмотрел на неё.

– А я тебе зачем? Ты об этом хоть раз думала?

– Я люблю тебя...

– Неправда. Тебе просто скучно, и ты хочешь новых эмоций.

– Ты знаешь, когда-нибудь это станет правдой. Но не сейчас. Сейчас я люблю тебя. К сожалению.

– А может, к счастью?

Они ехали рядом друг с другом бесконечно долго, и в какой-то момент Ниночка перестала думать про поезд, блуждающий в подземных тоннелях. Перестала ждать, когда он остановится, откроются двери и она выйдет в темноту и морозный воздух декабря. Она забыла и про замёрзшие ноги, и про семинар, и про зачёты. Она думала про Стаса. И в самом деле, зачем он ей? Она хотела чувствовать счастье рядом с ним, но ощущала лишь пустоту, куда уходили её силы. Ни любви, ни страха, ни холода. Пустота.

– Ты всё равно уйдёшь, – повторила Ниночка. – К счастью...

Она закрыла глаза и провалилась в темноту. Вагон сильно закачало, потом он замедлил ход и остановился.

– Станция метро «Пролетарская». Поезд дальше не идёт. – прозвучал голос из динамика.

Ниночка открыла глаза – Стаса не было. Зато проверяющий будил старичка в вязаной шапке. Ниночка торопливо встала и выскочила на платформу. Быстрее, наверх, через турникеты и на воздух, подальше от мрака и пустоты.

На город опускались ранние сумерки, кружился лёгкий снег. Растяжка над проспектом поздравляла «С новым 2021 годом!». Навстречу Ниночке шли люди в масках. Конец 2020 года, пандемия коронавируса в разгаре.

«Мы расстались пять лет назад. Чёртовых. Пять. Лет».

Ниночка встала около витрины магазина посуды. Продавщица за стеклом, поправляя товар, задела локтем малень-

кую чашку. Та упала на пол и разбилась вдребезги. Ниночка, наблюдавшая за этой сценой, посмотрела на фарфоровые осколки и в голове у неё пронеслась мысль: «К счастью. К счастью».

Ольга Вуд. Мусорный Овражник

– Куда ты ездила? – спросила мама. – Андрей заходил за насосом. Сказал, машины не было.

– В л-лес, – неуверенно ответила Лера.

Мама улыбнулась, словно всё поняла. Но Лера знала, что она только догадывается о внезапной любви к лесу. Подозревает, что дочь её пишет, больше читает, смотрит, слушает про славянские мифы всё, что попадается.

Жить среди дикой природы и наведываться к ней пару раз в детстве – это как иметь годовую подписку на Нетфликс и посмотреть там единственный сериал. Глупо. Но именно так прошло детство Леры в посёлке, который можно было пересечь за полчаса от края до края. И сейчас она не могла понять, почему не лазала на Бабковку – высокий, как казалось, холм? Почему не получалось наслаждаться заготовкой сена для бабушкиной коровы?

Тогда это было постоянной рутинной, которая никуда не денется. Или работой, от которой любому ребёнку хочется убежать. На Бабковку одной ходить скучно. Во время заготовки сена трава под ногами больно царапает голые лодыжки, а выющиеся вокруг вспотевшего тела слепни стараются цапнуть, где помягче.

Но этим летом Лера вознамерилась почаще бывать в лесу. Причём в том, возле которого выросла. И для этого ей надо

было поехать домой.

Четыреста километров – не шутка. Но Лера любила ездить самой. Её манило чувство свободы и скорости, появляющиеся в дороге. Ей нравилось осторожно посматривать по сторонам и следить, подмечать, разглядывать.

В выходные Лера выбралась в лес. Вела, не торопясь. Поворачивая на перекрёстке, заметила в овраге мешки с мусором.

– Свиньи, – сквозь зубы процедила Лера.

И это была ещё одна причина из-за чего ей хотелось прогуляться подальше от поселений: она уже не могла выносить видхлама, которые производил и кидал в неположенных местах человек. Посёлок-то небольшой. Мусор можно оставить повсюду расставленных баках. Нет же, проще доехать до окраины и бросить его в ров.

Настроение подпортилось. Но тёплый летний воздух, залетающий в окно, разгонял тревогу. Трепал по плечу, закидывал за спину волосы, рассказывал об аромате позднего жасмина, о резком земляном духе, о водянистой свежести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.